

лучки отдам!". Проходят долгие часы. Когда-никогда пролетит одинокая муха. Вот уже составили протокол моего опознания. Подписала его баба Софа: "Все она, проклятая, а мог бы еще жить и жить...". Со слезами раскаяния никто ко мне, естественно, не пришел.

— Так берете или нет? — повторил индус, выводя меня из оцепенения. Камешек был по-прежнему в его руке. — Или я могу еще предложить вам "Завтрашний камень".

— Нет уж, спасибо, — говорю, — я и сам могу найти свой талисман. Забытые желания, не возникшие желания — бери не хочу. Дерьма не жалко. Почему-то никто не предложит "сегодняшний камень". Да потому что его просто нет. А "завтрашний" — это пожалуйста, — сказал я, поднимая с земли первый попавшийся камешек и засовывая его в карман. — Теперь он у меня. Всего наилучшего.

— И вам того же, — ответил индус, загадочно улыбаясь и не сводя глаз с моей руки в кармане. — А вот сегодняшний камень — это, в определенном смысле, вы сами.

Через двадцать минут я уже подходил к своему дому. Встретил на углу Марину, прогуливающую собачку, поздоровался с ними.

Неподалеку догорал синим пламенем табачный ларек.

Глава I

Когда он попросил родителей купить велосипед, они в принципе не возражали. Просто мать с укором и болью посмотрела на отца, а он виновато опустил голову; непонятно почему — они с отцом ни разу на эту тему не разговаривали. Матери Мишка заикнулся год назад, она тогда твердо сказала — мал еще, вот будет четырнадцать... Что ж, он подождал год и месяц, для верности. Через месяц день рождения.

Нет, велосипеды не были запрещены, просто родители боялись, что он станет веллером, одним из этих отвратительных бандитов, которые собираются в банды, гоняют по дорогам, бьют витрины магазинов, нападают на старушек и, в конце концов, погибают под колесами автомобилей. Обо всем этом отец в присутствии матери подробно рассказал ему накануне. Мишка и так все это знал, он все-таки в школу ходит. Да и не собирается он по дорогам гонять. Просто с ребятами во дворе поездить, и чтобы к бабушке быстрее было добираться.

В субботу родители собрались и пошли в магазин. Хотели и его взять, но Мишка отказался — подарок есть подарок. Что это за сюрприз, когда сам себе выбираешь? Тем более, что он сам не знает, что ему нужно.

Когда его привезли на следующий день, обернутого бумагой, пахнущего краской, маслом и еще чем-то незнакомым, Мишка даже не решился подойти. Отец сам срывал бумагу, выдергивал гвозди, рассоединял доски. И только тогда, когда в коридоре ярко-красный красавец гордо стал на накачанное колесо посреди груды хлама, Мишка приблизился и нерешительно дотронулся резиновых нашлепок на руле.

Отец объяснил, что они специально взяли "неспортивную модель", чтобы он не путался со скоростями, "Да и ломаются они чаще", со средней величины колесами: "Проиграешь в скорости, выиграешь в проходимости". Потом он показал на небольшой, вроде кошелек, "бордочек" под рамой, где был минимум инструментов и деревянный ящик с полным инструментальным набором.

На следующий день Мишка встал рано. Солнце только-только взошло. Тихонько оделся, медленно открыл дверь, все-таки скрипнула, и выкатил велосипед на площадку. В лифт, конечно, не войдет, придется та-

щить на себе. Тяжело, и в пролеты трудно вписаться. На улице Мишка взглянул на свои маленькие спортивные часы — 05.30. Что ж, часик можно поупражняться, а то позора не оберешься. Он пробовал ездить на Яшкином год назад. Яшка и держал его, и прислонял к дереву, но непослушный велосипед упрямо валился то на левый, то на правый бок.

Сейчас у него даже помощника нет. Но зато он все тщательно обдумал и прочитал инструкцию. Значит, дорога впереди без поворотов, хорошо. Левую педаль вверх и чуть вперед. Теперь давить на нее и одновременно сесть. О чудо! Он поехал. С первого раза. Сам. Теперь не отвлекаться. Первый поворот получился слишком крутой, но он не упал, а это главное.

Через час Мишка подъехал к своей парадной и, тяжело пыхтя, втащил "Верного" на первый этаж. Нет, придется отдыхать на каждом этаже, слишком тяжело. Ладно, минутку отдохнули, можно и дальше идти.

— Чего лифт не вызовешь? — раздался сзади насмешливый голос.

Костик-Клюв. Даже не услышал, как он дверь открыл. Стоит в одних трусах и майке, видно, только встал.

— Так ведь не влезет, — неуверенно ответил Мишка.

— А ты на попа.

— Как?

— Подними переднее колесо и на заднем вкати.

Все оказалось так просто. Мишка аж смутился своей недогадливости.

— Ничего, — догадался о его переживаниях Костя, — лиха беда начало...

Родители еще спали. Мишка даже подумал, что они и не догадуются, что он ездил, но отец, когда встал, взглянув мельком на пыльные шины, улыбнулся:

— Ну как?

— Нормально, — постарался быть серьезным Мишка, но не выдержал и улыбнулся.

— Ну, раз нормально, съездишь к бабушке сегодня, она собиралась пирожки спечь к твоему приходу (это уже мать из кухни).

— Хорошо, — кивнул Мишка.

Нет, с велосипедом совсем другое дело. Раньше ему совсем не нравилось ходить к бабушке. Не потому что бабушку не любил, а потому что дорога скучная, однообразная, длинная. Совсем не такая, как, например, к папиному другу дяде Вилию, которая проходит мимо стройки, среди домов, по подземным переходам.

Но зато теперь — Мишка и заметить не успел, как приехал. Бабушка, как всегда, обрадовалась, а Фимка, здоровенный зелено-красный какаду,

забрался на шкаф по занавеске и проскрипел: "Здравствуй, Мишенька, здравствуй".

— Привет, Фимка, — ответил гость. После такого знака внимания со стороны друга Фимка распушил перья и, довольный, начал болтать, что "Фима хороший, мальчик послушный, любит орехи...", и т. д. и т. п.

Мишка начал было восторженно рассказывать бабушке, как здорово, что у него есть велосипед, но она не поддержала разговор, лишь потрепала его жесткие, выгоревшие под летним солнцем волосы. Зато Фимку разговор заинтересовал.

— Велосипед, велосипед, — затарахтел он. — Саша, бросай велосипед, уйду я...

— Тихо, ты, — замахнулась на него бабушка, — болтун, несчастный, не сешь чушь разную.

Мишка удивился — Фимка всегда звал папу Сашей, но велосипеда у них никогда не было. Хотя попугаю было девять лет, и он вспоминал иногда такие вещи, что бабушка обещала выщипать его перья. А может, разговор шел о другом Саше...

Ближе к вечеру, набив живот до отвала пирожками с капустой и загрузив большой пакет, с ними же, в сетку спереди велосипеда, Мишка принял поцелуй от бабушки, сказал "Пока" и отправился домой. Мать приняла пакет и, спросив обычное: "Ну как?.. — выслушала быстрый Мишкин ответ, который сводился к тому, что "Все нормально". Потом мать нахмурилась и, как бы колеблясь, сказала:

— Вова Мухин приходил два раза. Узнал, что у тебя велосипед, кататься зовет.

Мишка вопросительно посмотрел на нее.

— Иди уж, но к восьми вернись.

Весело напевая — Мы едем, едем, едем... — Мишка выкатил "Верного" во двор и тут задумался: где искать Вовчика с ребятами? Они ведь могут и в парк поехать. Подумав, он решил, что самым разумным было бы поехать к магазину, потом к спортплощадке и, сделав круг, вернуться во двор. Если он их не найдет по дороге, то тогда уже надо ехать в парк. Пока он раздумывал, из-за соседнего дома показались Вовчик вместе с Генкой и Славкой. Они подъехали к Мишке и, обменявшись приветствиями, стали смотреть "Верного".

— Класс, — наконец вынес резюме Вовчик. — Батя покупал?

— Ага, — кивнул Мишка.

— Тачка что надо, — пробасил толстый Генка.

Славка по прозвищу Гусь вообще ничего не сказал, он любил хвастаться своим.

— Так что, в сало? — предложил он, когда осмотр велосипеда, по его мнению, слишком затянулся.

— Давай, — согласился Генка.

Мишка с Вовчиком тоже не возражали. Мишка много раз видел, как ребята играли в велосипедное "сало". Игра заключалась в том, чтобы догнать одного из ребят и коснуться своим велосипедом его велосипеда. Мишку по неопытности "засалили" сразу, и потом он долго гонялся за остальными. Трудное дело. Они ускользали прямо как рыбки в аквариуме от сачка. Скорость тут была ни при чем. Просто, когда он начинал догонять кого-то, тот либо уходил в сторону, петляя, либо, подпуская Мишку поближе, резко тормозил, разворачиваясь, чтобы затем спокойно продолжить движение в обратном направлении. Мишке, не владевшему этим приемом, пришлось туго. Он уже примирился, что будет "вечным сало", когда Славка не рассчитал и затормозил слишком рано. Вне себя от радости Мишка направил "Верного" прямо в центр его велосипеда. Удар получился на славу.

— Ты что, сдурел?! — заорал Славка. — Мозги есть?!

— Тише, — успокоил его подъехавший Вовчик. — Откуда ему знать — он второй день на велосипеде.

И, обернувшись к Мишке, пояснил:

— Ты притормаживай перед ударом и бей не прямо, а чуть поворачивая колесо.

Следующим засалили Генку, и он, видно щадя Мишку, гонялся за остальными, лишь изредка ненадолго направляя к нему свой велосипед. Воспользовавшись случаем, Мишка стал наблюдать за тактикой остальных, стараясь запомнить приемы. Домой он вернулся вовремя, но сильно уставшим. Есть отказался и сразу завалился спать.

Наутро болело все тело, начиная от шеи, потом вниз к мышцам плеч, рук, боков и, наконец, ног. Сильнее всего болели бедра. Мишка ходил вразвалку, морщась при каждом шаге. Отец понимающе усмехнулся, посадил его в ванную, распарил докрасна, а потом сделал крепкий массаж. Во время этой экзекуции Мишка выл как волк, но потом стало легче.

В этот день он решил никуда не ездить, а отдохнуть с книгой на диване. На следующее утро боли в мышцах почти не ощущалось, но Мишка дождался вечера, чтобы опять можно было поездить вчетвером. Поехали в парк тем же составом. Вечером, да еще в парке, требовался определен-

ный навык. Приобретая его, Мишка два раза здорово упал. Первый раз, натолкнувшись на дерево, а во второй — наехав в темноте на песочницу.

Они катались вместе еще три дня. А потом, в пятницу вечером, Вовчик объявил, что завтра он едет с родителями на дачу "где-то на месяц". Генка погрустнел — их родители всегда ездили вместе: у них были смежные участки. Известие Мишку огорчило — Славку он не любил, и теперь было понятно, что после их отъезда вдвоем они кататься не станут. В субботу он вышел рано — еще семи не было, поехал в парк, потом сделал круг по району, но уже через час сидел на вкопанном в землю автомобильном колесе; "Верный" стоял рядом, прислоненный к каштану.

— Скучаешь?

Мишка обернулся. Перед ним стоял Клов.

— Привет, — обрадовался Мишка живому человеку.

— Скучаешь?

— Ага. Вовчик с Генкой на дачу уехали.

— Ясно, я видел, как вы вчера тут гоняли.

— Да, мы в парк ездили, потом здесь...

После этих слов оба замолчали. Клов испытующе смотрел прямо в глаза Мишке, и Мишка старался как мог выдержать этот взгляд.

— На трассу хочешь? — наконец без всякого перехода спросил Клов.

На трассу! На трассу — это значило отдать себя на милость автомобилей. Это значило стать веллером, пойти против всех правил, которые им втолковывали в школе, объясняли дома. И все-таки Мишка, почти не колеблясь, сказал:

— Да.

Просто скучно ему было очень, а тут Клов, сосед, парень серьезный, мать Мишке часто его в пример ставила:

— Учится на механика, скоро помощником инженера пойдет, уже сейчас с практики матери копейку приносит...

Да, честно говоря, Мишка думал, что Клов просто с ним поболтает, а потом пойдет дальше по своим делам, что ему такая малявка. А тут вместе куда-то поехать! Нет, любой бы не нашел в себе сил отказаться, хотя... Вовчик бы наверное не пошел — осторожный он. В общем-то, сейчас, когда он немного подумал, то тоже не прочь бы взять свои слова обратно, но неудобно...

— Ну, хоккей, — прервал Костик его размышления, — тогда сейчас приведем твоего скакуна в порядок перед дорогой и поедем.

Клов сел за руль, Мишка примостился сзади на багажнике, и они по-

ехали за Генкин дом. Там, под большим платаном, стоял маленький ржавый гараж. Мишка знал о его существовании, но никак не мог догадаться о предназначении — для машины мал, да и у кого сейчас машина найдется! В конце концов, они с ребятами решили, что сарай пуст, а сохранился с тех пор, когда у людей было много всякого барахла и инструментов. Правда, в школе им говорили, что все это хранилось у людей дома, но кто-то вот держал в сарае. Правда, на воротах висел новенький "DOG GUARD", но, возможно, кому-то жаль старого барахла.

Да, так они с ребятами решили, а оказалось все гораздо проще. Это был Клювовский гараж. И инструмента немало — маленькие тиски, ножницы для металла на стенке висят, ножовка, и у стены велосипед спортивный. Не новый, как у Мишки, а выдавший виды, весь в царапинах.

— Ну что, давай твой смотреть, — весело сказал Клов, доставая с верхней полки деревянный ящичек. В нем оказались велосипедные ключи. Сначала Клов отрегулировал сиденье:

— Это ничего, что высоко сходить, главное, чтобы ногам было удобно. Педаль в крайнем нижнем положении должна позволять ноге полностью разогнуться.

Затем занялись ручным тормозом. Клов минут пять поджимал и отпускал тросик, пока тормоз не стал работать, как капкан. Потом пришла очередь руля — поставили на удобную для Мишки высоту и затянули потуже гайку. И под конец подкрутили спицы. И все за двадцать минут.

Пока Мишка вытирал масло с рук большой красной тряпкой, Клов сложил инструмент на место. Сам он, как ни странно, почти не испачкался, хотя проделал основную часть работы.

— Ну, с богом, — торжественно сказал Клов, садясь на велосипед и с силой отталкиваясь ногой от бордюра.

Он поехал первым, показывая дорогу. На Ивановской улице начался высокий каменный забор, отделяющий дорогу от города. Возле подземного перехода Клов остановился, забрался на покрытую плиткой крышу и с помощью Мишки втащил наверх оба велосипеда. За ним залез и Мишка. Перед ним была трасса. Широкая ровная асфальтовая гладь на пять полос.

— Запоминай, — голос у Клова стал серьезным. — Ты идешь первым. Когда дорога расширится на восемь полос, посмотри вверх на светофор. Если горит красный — уходи вправо, прижимайся к обочине. В том месте они смотрят на светофор, на тебя внимания не обратят. Если горит зеленый — смело едь дальше, да педалями крути веселее. Когда возникнет

опасность, я выйду вперед, и тут ты следи за мной. Руку вправо — уходи вправо. Влево — влево. Вверх — стоп. Впрочем, тормозить вряд ли придется, но на всякий случай. Запомнил?

— Вроде да.

— Повтори.

Он повторил. Клов согласно кивал головой по мере рассказа.

— Верно, — согласился он, когда Мишка закончил. — Ну, все, поехали.

Они спустили велосипеды, и поползла назад под колесами асфальтовая лента.

Сначала дорога шла в гору, и Мишке пришлось тяжело. Но скоро он достиг вершины, стало легче. Расширение оказалось недалеко — минут через десять. Как Клов и учил, Мишка послушно задрал голову вверх (не упасть бы) и поискал светофор — красный!

— Ничего, ничего, — раздался спокойно-уверенный голос Клова, — давай дальше.

Скоро горка закончилась, и дорога стала абсолютно прямой. Мишка не знал, сколько они ехали, но почувствовал, что начал выдыхаться. Солнце жарило немилосердно, пот тек по раскаленному лбу, разъедая солью кожу. Был момент, когда он хотел обернуться к Клову и попросить остановиться отдохнуть, но в этот момент слева мелькнула тень — Клов принял лидерство. Пришлось бедному Мишке прибавить ходу — Клов начал отрываться. Еще через некоторое время Мишка уже ясно понял, что окончательно выдохся и попытался крикнуть Клову, чтобы он остановился, но пересохшее горло отказывалось повиноваться.

— Черт с ним, — подумал он, — остановлюсь сам, на минутку.

В этот момент сзади послышался гул. Сначала тихий, он постепенно нарастал, приближаясь. Мишка обернулся — сзади, вырастая на глазах, несся огромный, белый, сверкающий на солнце "MONTY ALFA INDUSTRY" или МАК, как их называли ребята. Мишка, потерявший голову от страха, смотрел бы на него вечно, но в этот момент руль рванулся из рук, напомнив, что надо следить за дорогой. К тому времени Клов был впереди метрах в тридцати. Страх придавал новоявленному веллеру сил, и он с удвоенной энергией заработал ногами, догоняя лидера. Гул приближающейся машины становился все громче. Мишке казалось, что она прямо за спиной. Почему Клов ничего не предпринимает? Или он считает, что они смогут соревноваться в скорости с МАКом? В это мгновение велосипед Клова неожиданно свернул вправо. Мишка инстинктивно повернул руль, возможно слишком резко, съезжая с дороги. Поднятую Кловом руку он пропустил...

Они стояли и смотрели на облако пыли, скрывшее уехавший грузовик. Капли пота стекали по Мишкиному лбу дальше на щеки и капали с подбородка в пыль на дороге, рубашка совсем промокла, но он не замечал этого, еще не отойдя от пережитого страха.

— Ну, как ощущение? — повернулся наконец к нему Клов.

— Страшно, — признался Мишка.

— Конечно, — согласился Клов. — Но здесь ты со скуки не умрешь, чистый адреналин.

Мишка не знал, что такое адреналин, но согласно кивнул. Сейчас, когда страх ушел, он чувствовал себя героем.

— Устал? — поинтересовался Клов, перекидывая ногу через седло.

— Ага.

— Сейчас до рощи доедем, — кивнул Клов на зеленеющие впереди деревья, — там должен быть поливочный кран. Вот там и отдохнем.

Там действительно была проложена труба с краном на конце. И в ней была вода. Мишка с Кловом напились, скинули майки, облились до пояса и залегли в высокой зелено-сочной траве, подставив животы солнцу. Легкий ветерок приятно щекотал кожу, где-то в траве стрекотали кузнечики, замолкая каждый раз при неосторожном движении. Мишка и сам не заметил, как начал дремать.

— Э, так дело не пойдет, — вывел его из забытья голос Клова. — Разомлеешь, потом ехать не сможешь. Пошли лучше в тень.

Под тенью деревьев было прохладно. Посидев с полчаса, Мишка почувствовал, что отдохнул, о чем тут же сообщил Клову, предложив ехать.

— Не торопись, — усмехнулся в ответ Костик. — На дороге нужно быть свежим на все сто. Может, мускулы и отдохнули, а голова нет. Мозги промедлят секунду, и ты окажешься под колесами.

Пользуясь случаем, Мишка задал интересующий его вопрос:

— А почему они нас... дают? Им что, места не хватает?

Клов внимательно посмотрел на него.

— А ты как сам думаешь? Что в школе по этому поводу говорят?

— Ну, — запнулся Мишка, — говорят, что веллеры сами под колеса лезут.

— Да, — засмеялся Клов, — обнаглели совсем. Уже и время не тратят, чтобы придумать мало-мальски правдоподобное объяснение. На самом деле все сложнее. Самим грузовикам мы не мешаем. Мы мешаем бензиновым компаниям, проводимой ими политике.

Он замолчал, еще раз взглянул на превратившегося в слух Мишку и продолжал:

— Лет пятнадцать назад был крупный спор о выборе человечества. Тогда природа сильно была загажена. И вот зеленые, не те, что сейчас в парламенте сидят, а настоящие, предложили очень много проектов неиспользования двигателей внутреннего сгорания. И один из них был такой: в городе отменить личный транспорт, а всем ездить на велосипедах. Казалось, это предложение пройдет, уж очень всем смог надоел, и врачи их поддержали, потому что это еще полезно — дает дополнительные движения, которых горожанам не хватает. Некоторые города самостоятельно приняли законы, запрещающие использование личного транспорта, и снизили цены на велосипеды. Но компании победили. Как — не знаю, скорее всего, нечестно. В конечном итоге, все оставить по-прежнему не было никакой возможности, но они предложили проект многостороннего общественного транспорта, который действует у нас сейчас. А все проекты по использованию солнечной энергии, ветра были отменены. В том числе и велосипед. Так что, мы вызов существующей политике. Конечно, все не сразу делалось. Раньше велосипед даже видом спорта был...

— Ну да, — не поверил Мишка.

— Точно, почитай газеты двадцатилетней давности. Они сначала начали компанию, что велосипед мешает движению. Потом перестали наказывать за наезд на веллера, хотя раньше, по-моему, и слова-то такого не было. Ну, неважно, потом стали поощрять наезды, пока мы не пришли к тому, что сейчас имеем. Не знаю, правда ли, но говорят, у водил есть специальный тренажер, как лучше веллера сбить.

Нельзя сказать, что Мишка поверил всему. В конце концов, это просто противоречило всему, чему их учили. С другой стороны, совсем не верить Клову он тоже не мог. Мишка чувствовал, что доля правды во всем сказанном есть. По крайней мере, Клов так считает. А раз так, то он решил не ломать себе голову противоречиями, а подождать, пока ему представится возможность самому разобраться.

Мишка посмотрел на Клова — Костик сидел с мрачным видом и, казалось, раскаивался в том, что сейчас разоткровенничался. Но в какой-то момент он, как и Мишка, отбросил сомнения в сторону, повернулся к нему и улыбнулся:

— Ну что, поехали?

— Ага.

Домой доехали без приключений.

Глава II

На следующий день Мишка вышел во двор рано — в семь часов. Так с Кловом договорились, чтобы выехать, пока солнце не начало печь.

— Сегодня в тоннель поедem, — объяснял дорогой Клов. — Немного рано тебе, конечно, но мы аккуратно. Начнем не с начала, а с середины.

Они проехали городской базар, потом Птичий рынок и, поднявшись на Верблюжью гору, где начинал движение первый скоростной трамвай, поехали частными огородами, огороженными слева высокой каменной стеной. Огороды скоро закончились, и начался пустырь. Они проехали еще минут пять, и здесь, возле большой дырки в заборе, заделанной ржавой решеткой, Клов остановился.

— Смотри, — он слез с велосипеда и подошел к решетке. — Никто и не догадывается, — с этими словами Клов с силой дернул решетку на себя, и старое железо неохотно поддалось, обильно осыпав его ржавчиной. — Мы уже год, как ее отодрали, а никто и не чешется, — пояснил Клов Мишке, брезгливо стряхивая ржавчину с рук. — Сейчас я вылезу, а ты подавай мне наших скакунов.

Они не без труда протиснули велосипеда в узкую щель, после чего вылез Мишка, и Клов поставил решетку на место.

— Ну, а теперь можно ехать, смотри, — Мишка посмотрел на уходящую вниз асфальтовую полосу, — дорога крутая, скорость будет большая, но ты жми что есть мочи. Когда начнется подъем, добавь еще, выжми из себя все. Почувствуешь, что скорость упала, — переходи на спокойный плавный темп, но ни в коем случае не останавливайся — потом очень тяжело будет тронуться. Будет тяжело, но ты должен одолеть этот подъем. Там, наверху, где-то километра через два, стена заканчивается, и можешь останавливаться: нам уже ничего не страшно, понял?

— Ага.

Клов внимательно посмотрел назад, на самый верх горы:

— Нет, вроде тихо. Ну, давай, жми.

Мишка оттолкнулся ногой и покатился вниз. С первых же секунд велосипед развил бешеную скорость, и Мишке, лихорадочно вращающему педали, оставалось только вцепиться в руль и не терять равновесие. В ушах свистел ветер, сердце спряталось куда-то в самый низ, но ноги продолжали работать, подгоняя и без того летящий велосипед. Через несколько минут страх у Мишки прошел, и он начал получать удовольствие от этой гонки. Но вот и конец спуска. На полном ходу Мишка пронесся

несколько метров по относительно ровной дороге и начал подъем. Как и советовал Клов, он выжал из себя все, что поначалу было несложно. Но постепенно вращать педали становилось все труднее. Почувствовав это, Мишка перешел на более спокойный темп. Но каждый оборот педалей давался все труднее. Ему приходилось налегать всем телом то на левую, то на правую ногу, пригибаясь к самому рулю. Где-то в середине подъема он понял, что горку ему не одолеть. Икры болели, ноги отказывались вращать педали, велосипед потерял скорость и начал вилять, едва не падая. Взглянув наверх, Мишка увидел, что до конца подъема не так уж и далеко — метров сто, но где взять силы? Мишка сжал зубы и начал считать обороты педалей, решив сделать еще сто и остановиться. Скорее всего, это не помогло бы, но на двадцатом обороте подъем стал более пологим, нагрузка упала. Мишка воспрянул духом, напряг последние силы, а когда через некоторое время посмотрел наверх и увидел, что осталось каких-нибудь тридцать метров, — понял, что доедет. На вершину он въехал, как говорится, не чуя ног, но, довольный, оглянулся на Клова — ну как я? Но лицо у Клова было встревожено:

— Давай, быстрее, — крикнул он Мишке, заметив, что он сбавил ход. — Догоняет!

Это быстро привело Мишку в чувство, и он, еще ничего не видя и не слыша, с удвоенной силой заработал ногами. Когда через несколько минут Клов вырвался вперед, принимая лидерство, Мишка уже ясно слышал за спиной постоянно нарастающий гул мотора. Оглянувшись, он заметил две растущие на глазах светлые громадины — МАКи. С тревогой посмотрел вперед, где заканчивалась стена, и понял, что не успеют, ни за что не успеют. Это понял и сам Клов, потому, что крикнув: "Прижмись вправо", привстал в седле, налегая на педали всем телом, быстро увеличил разрыв между собой и Мишкой. Мишка послушно прижался вправо, вплотную к стенке, с ужасом глядя на удаляющегося Клова. Вскоре мимо него с ревом пронеслись МАКи, обдав жаром своих моторов и гарью выхлопных труб. Они шли ровно, колесо в колесо, оставив между собой и по краям дороги одинаковое расстояние, около двух метров. С каждой секундой они приближались к маленькой на их фоне фигурке Клова.

Вот они уже совсем рядом. Мишка затаил дыхание — еще секунда и... в этот момент Клов резко повернул влево, заворачивая в пространство между грузовиками, и затормозил. Водители среагировали мгновенно — грузовики рванулись друг к другу, стремясь расплющить маленькое наглое насекомое, но поздно. Они уже проскочили остановившийся вело-

сипед, и через три-четыре секунды с силой ударились бортами, кореза металл. Вскоре они растворились в бесконечности уходящей дороги.

Мишка подъехал к Клову, который, не отрываясь, смотрел на дорогу, на поднятый грузовиками столб пыли. Мишке пришлось стоять безмолвно несколько минут, прежде чем Клов повернул к нему черное от копоти лицо.

— Испугался? — были его первые слова.

И, не дожидаясь ответа, продолжал:

— Я сам перетрусил, думал, здесь и останутся наши косточки. Хорошо — тебя не тронули, понимают, что еще ученик, сбить не велика гордость.

Потом они сели и поехали. Молча. Плохое было молчание, угрюмое, Мишке совсем не нравилось, но и говорить совсем не хотелось. Первым заговорил Клов, когда они уже проехали стену, ее оставалось каких-нибудь двести метров:

— Не в добрый час выехали мы сегодня, вероятность встречи с МАКа-ми равна практически нулю. Если с пролома, где мы начали движение, его не видно, то нагнать нас можно, только если начать движение не позже чем через минуту после того как мы поехали, я как-то сам с Хвостом замерял, вот так-то...

Через пятнадцать минут они подъехали к Перешейке, реке, от которой брал начало Гребной канал. Здесь умылись и отдохнули.

— Ну что, поехали обратно, — сказал Клов, поднося к глазам руку с часами. — Думал я по округе поездить, но чувствую — день для нас неудачный. Будем заканчивать с этой трассой.

Когда подъехали к блестящей, пышущей жаром дороге, Клов поднял руку, останавливая Мишку.

— Значит так, — показал он рукой вперед, — через двадцать минут забор, потом метров триста спуск, и вот тут-то, на середине его, смотри внимательно — будет дырка. Ну я, если что, еще крикну тебе, но ты не сильно разгоняйся. Усек?

— Да.

— Ну, поехали, — выпрямился в седле Клов, — да на передний тормоз сильно не жми — кувырнешься через голову.

Спускаться, когда не нужно гнать, а лишь притормаживать, если знать, что после не будет утомительного подъема, было сплошным наслаждением.

Мишка ехал, расслабившись, чувствуя, как нежно обдувает ветер мокрые растрепанные волосы. Вот показалась серая полоса забора, уходящая

вместе с асфальтом за горизонт. Все ближе. До нее метров двадцать... Рев мотора и крик Клова слились для него в один непрерывный рев. Как-то Мишка смотрел фильм про войну. Ему в память врезался коротенький кусочек: солдат полулежит на траве, ветер колышет траву, кузнечики стрекочут, и вдруг взрыв... Примерно то же самое случилось и сейчас — мотор МАКа взревел так рядом, а Клов заорал так громко, что у Мишки дрогнули руки, руль повело, и он едва не свалился. Оглянуться он не успел, Клов крикнул второй раз: "Мишка, вправо, на поля!". Он не колебался ни секунды, повернул руль вправо и полетел, потому что ограждающего бордюра здесь не было, а асфальт был положен примерно на метр выше обочины. А дальше у него дыхание захватило. Он летел и, казалось, никогда не опустится. Причем, была твердая уверенность, что он летит все время вверх, а когда долетает до высшей точки, все обрывается, и он начинает подъем сначала. Удар о землю убедил его в обратном. Самое интересное, что он приземлился очень удачно, ровно. И если бы он держал руки потверже, возможно, даже удержал бы равновесие. Но руки у Мишки были как вата, и сам он как подушка. Во всяком случае, земля билась его тело как-то вяло: вроде и больно, но какой-то тупой далекой болью.

Мишка встал. Ощущение реальности, наконец, пришло к нему. Болел локоть и колено, но не как болят ушибленные кости, а резкой болью содранной кожи. Потирая коленку, подошел Клов.

— Жив?

— Да.

— Думал, костей не соберешь. Я хоть успел из седла выпрыгнуть. Везунки мы с тобой — два раза сегодня чуть под колесами не оказались.

— Да, — согласился Мишка, — чувствуя, как на лице рекой разливается улыбка.

— Давай твоего скакуна посмотрим, — повернулся Клов к "Верному".

— А твой батя знал, что покупать, — довольно сообщил Клов через несколько минут. — Мой бы точно уже был в ремонте. Минимум — это обо-да бы погнул, а у твоего лишь две спицы погнуты, да краска содрана.

— Нет, хватит с нас тоннеля, — продолжал он, когда они, спешившись, шли гуськом по тропинке, поднимая пыль. Сейчас ухабы закончатся, начнется вполне сносная дорога, хоть и проселочная.

Через полчаса, когда можно было увидеть первые городские дома, они пришли на огороды. Мишка давно здесь не был — десятки квадратов, огороженных веревками или проволокой. На некоторых копошились люди.

Клюв приложил ладонь к глазам и уверенно направился к маленькой деревянной будочке, возле которой дымился затухающий костер.

— День добрый, — крикнул он в черную дыру входа. — Есть кто живой?

Из темноты вышел высокий старик. Тело его высохло, и он напоминал скелет, стоящий в школе в подсобке биологии.

— А, это ты, — обратился он к Клюву. — Все кочуешь?

— Ага, — кивнул Клюв.

— И молодых совращаешь?

— Способный парень, — Клюв обернулся и хлопнул Мишку по плечу.

— Добром не кончите.

— Может, — вздохнул Клюв и, видимо желая сменить тему, быстро спросил: — Картошечкой угостите?

— Можно, — старик улыбнулся и сразу расцвел, как куст шиповника.

— Ступайте умываться. Жучка, брысь, — прикрикнул он на черную дворняжку, вертевшуюся под ногами.

Ох, и вкусна же печеная, треснувшая от жара картошка! А вареная кукуруза, щедро посыпанная солью! Мишка ел и обжигался к великому удовольствию старика, который улыбался и гладил его по волосам:

— Умаялись.

— Да, покатались сегодня, — закивал Клюв. Он измазался в золе и выглядел донельзя комично с широкими черными полосами через лоб.

— Покатались, — нахмурился старик. — Помяни мое слово, добром вы не кончите.

— Почему так мрачно? — усмехнулся Клюв. — Может, мы еще доживем до глубоких седин, как вы.

— Ну конечно, — усмехнулся старик, — доживете. Мало вас тут картошку некло? — последние слова прозвучали неожиданно зло.

— Пятеро, — тихо пробормотал Клюв. Он сидел, опустив голову в колени, желваки играли на его щеках.

— И трое остались под колесами, — голос старика звучал, как приговор прокурора в суде. — А где еще один?

— Завязал.

— Ну, вот он и будет долго жить...

— ...есть манную кашу.

Все трое рассмеялись. Только старик невесело, по-стариковски, кряхтя.

— Не переубедить тебя, парень. Не переубедить.

— Давайте поговорим об этом в следующий раз, — Клюв встал и начал ходить, разминая ноги.

Старик ничего не сказал, но тоже поднялся, держась рукой за табуретку.

— Сколько с нас?

— Как обычно, два пятьдесят.

Мишка прикинул: на базаре кукуруза шла по семьдесят, они съели шесть штук. Сколько стоила картошка, он не знал, но уже получается четыре двадцать!

— Что, вас не обижают? — уже уезжая, поинтересовался Клюв.

— Поговаривают, что будут ликвидировать, — поморщился старик. — Дескать, создаем нездоровую конкуренцию, плюс антисанитарные условия и т. д. и т. п. Сволочи!

— Да, жаль, если на парниковые перейдем, — вздохнул Клюв.

— О чем речь! — оживился старик, — Ты чувствуешь, какой это помидор? Он навозом удобрен и солнцем взращен, он живой. А эти? На лампах и химии, акселераты. Их ешь, и вкус как вата с водой.

В этот день Мишке еще раз не повезло — мать вернулась с работы раньше, как раз, чтобы увидеть измазанного, израненного отпрыска. Она накинулась на него со всей страстью материнской любви. Но когда Мишка сказал, что ездил на огорода, где они ели кукурузу с печеной картошкой (чистая правда), а потом он случайно упал в овраг, мать успокоилась.

На следующий день Клюв повез Мишку на "ровную трассу". Асфальт действительно был как зеркало. Дорога, как объяснил Клюв, считалась спокойной, и они действительно никого не встретили. Отъехав километров десять от города, Клюв свернул на проселочную дорогу, которая скоро привела их к небольшому, метров двадцать длиной, футбольному полю. По краям стояли ржавые ворота, да настолько, что ржа местами проела столбы насквозь. Интересно, зачем Клюв его сюда затащил?

— Поучу тебя кой-каким приемам, — ответил Клюв на немой Мишкин вопрос.

Ставить "Верного" дыбом и разворачиваться на месте Мишка научился сразу. Сложнее дались прыжки, когда неподвижный велосипед надо удерживать в равновесии и попеременно прыгать с переднего на заднее колесо. Совсем не получилась езда без рук.

— Ты ставишь его ровно, а потом едешь и боишьсядохнуть, — объяснял Клюв. — А надо управлять ногами, как руками.

И он показывал, как это делается, смело раскачивая велосипед ногами так, что Мишка каждый раз замирал, ожидая, что он упадет. Но Клюв не падал, в отличие от своего ученика, который снова и снова оказывался в пыли.

— Ладно, — наконец сжалился Клов, — летая, летать не научишься. На сегодня хватит.

Мишка грустно кивнул.

— Да не расстраивайся, — хлопнул его по плечу Клов, — я одни прыжки три дня осваивал. Без рук, правда, сразу поехал, но равновесия на месте долго держать не мог. У каждого не выходит что-то свое. Вот Диля так по ступенькам прыгать и не научился.

— Кто?

— Диля. Самый, наверное, лучший веллер, как Стопора сбили. Я как-нибудь расскажу про него. Он, кстати, меня учил. Талант большой, такие пируэты выделывал, куда мне! А прыжки не шли, хоть тресни. Так что, не волнуйся.

Он оказался прав. Через несколько дней Мишка свободно описывал круг за кругом по футбольному полю, широко разведя руки в стороны, по лестнице с пятого этажа спрыгивал быстрее Клова.

— Будет из тебя толк, уж поверь мне, — довольно потирал руки учитель, когда они потные и усталые возвращались домой. — Я как тебя на велике увидел, сразу понял — ты нашей закалки. Можешь мне верить, я с семи лет на трассе. Твои Вовка или Славка побоялись бы прыгнуть тогда в тоннеле. Да и не сунутся они на трассу, уж поверь мне.

От этих слов похвалы Мишка расплывался в широкой улыбке, которую не мог скрыть при всем своем желании.

— Вот карьер с тобой еще пройдем, и считай себя асом не асом, но и не салагой, это уж точно.

"Скорее бы карьер", — с замирающим от сладкого предчувствия сердцем думал Мишка.

Его желание исполнилось уже на следующий день. Карьер представлял собой цепь из пяти холмов с узкой — две полосы в каждую сторону — дорогой, по которой то и дело сновали небольшие десятитонные ЛАЗики, забирающие дробленый камень.

— Смотри, — напутствовал Клов ученика, — здесь скоростью ничего не сделаешь, главное маневр. С горы вниз они идут груженные, сильно вилять не будут, побоятся. А ты этим пользуйся; с правой полосы на левую переедешь — считай спасен. Тормози, он и скорость не сбавит никогда. Не забывай, что здесь куча развилок. Он на работе, гоняться за тобой ему некогда. Понял?

— Ага, — кивал Мишка.

— Ну и самое главное, устал — давай вниз. Здесь под колеса попадают

не оттого, что опасно, а по невнимательности. Зазевался — и все. Ну что, поехали?

— Давай.

Ноги у Мишки здорово окрепли. Во всяком случае, он с легкостью заезжал на гору, по которой раньше и пешком забираться бы устал. Уворачиваться от неповоротливых ЛАЗов было нетрудно. Главное точно рассчитать расстояние и скорость. Но если ошибся — то хватало развилок. Вниз же грузовики шли почти с той же скоростью, даже, может, медленнее.

Свернув в развилку от очередного ЛАЗа, Мишка посмотрел на циферблат: сорок минут. Хватит, пора вниз. Он выехал на центральную дорогу, заметив краем глаза, как из-за поворота показалась желтая острая мордочка грузовика. Мишка сразу сообразил, что не успеет уйти от уже набравшей скорость машины, и быстро переехал на встречную полосу. Через секунду машина пронеслась мимо, обдав его своим жаром. Мишка самодовольно усмехнулся и заработал ногами, набирая скорость. Оглянулся назад — ЛАЗ, но далеко, не успеет. Наверное, он потерял несколько секунд, оглядываясь, потому что так и не успел заметить, откуда выехал этот встречный ЛАЗ, и почему он уже так близко. За секунду Мишка успел заметить все: и трещину на стекле, и кожаное сиденье, и довольно ухмыляющееся лицо толстяка-водителя, и как он перехватил руки поудобнее, чтобы успеть повернуть влево, если Мишка пойдет на свою полосу. Значит, вправо ему нельзя. Влево! За дорогой полоска земли метр-полтора, за ней обрыв... Нет, вон пяточок шириной метра три... Все это пронеслось в его голове с космической быстротой. Не задумываясь, хватит ли ему этого пяточка, Мишка повернул руль влево и, присев всем телом, рванулся вверх, увлекая велосипед за собой. Последнее, что он успел заметить, был грузовик, разворачивающийся поперек правой полосы. Значит, вправо он все равно не успел бы...

Мишка сглотнул. Он стоял на самом краю обрыва — три ладошки до переднего колеса, думая, что было бы, если бы он не нажал на ручной тормоз еще в воздухе. "Лепешка", — наконец высказал он вслух сделанный вывод. Действительно, высота обрыва была не менее двадцати метров. Лепешка. Сзади послышался скрип трущейся об асфальт резины. Мишка обернулся — Клов.

— Жив? — его рука мягко легла на Мишкино плечо. — Когда увидел, что ты влево прыгнул, решил, что ты идиот — вправо мог спокойно успеть. А когда он развернулся, понял, что ты гений. Случайно или догадался?

— Я по нему догадался, что он вправо пойдет, — вздохнул Мишка.

— Молодец, в таких случаях всегда на водилу смотри, лучше всего в глаза, может не выдержать. Ну а то, что ты вниз не загремел, тут пятьдесят процентов удачи, а пятьдесят мастерства. Поехали, а то могут остановиться и просто накостылять.

Глава III

Мишка стоял во дворе и откровенно скучал. Клюв второй день как уехал к больной бабушке и вернется не раньше чем завтра, а он теперь не знает, куда себя деть. Самому идти на трассу Клюв запретил — рано еще. Ездить по двору — неинтересно. Вчера играли с Вовчиком и Генкой в сало, так куда им против него. Мишка показал пару приемов, что освоил с Клювом, у них челюсти поотвисали. Да и разговоры у них какие-то детские, как он раньше не замечал? Когда мама купит автомат! Смехота. В раздумье Мишка прислонил "Верного" к столбу и склонился, опершись локтями на руль, а голову положил на руки. Но ничего нового он так и не придумал и, скорее всего, поехал бы в парк, но в это время во двор зашли девчонки. Наблюдая за ними, Мишка вспомнил о вчерашнем событии.

Мать послала его за кефиром. Возвращаясь с двумя бумажными прямоугольниками, Мишка увидел, что возле булочной стоят Надька с Машей, девчонки с его двора, с Машкой они даже учились в одном классе, хоть она и была на год младше. Рядом стояли Гоша, он через дорогу живет, и еще два незнакомых парня. Ребята выстроились треугольником, ловко перебрасывая друг другу белый батон, а девчонки тщетно пытались его перехватить. Мишка остановился метрах в десяти сзади и стал наблюдать. Вскоре девочки остановились.

— Ну, хватит, — наконец взмолилась Надька, — меня мама ждет.

Ответом ей был смех.

— Не отдаете — не надо, — демонстративно отвернулась Надька. — Пошли, Маша.

И в тот же момент кинулась перехватывать хлеб. Ей это почти удалось, но Генка был на голову выше и успел поймать батон раньше. Правда, при этом он сразу кинул хлеб партнеру и промахнулся. Батон шлепнулся на землю, подняв столбец пыли.

— Доигрались, — возмутилась Маша.

Гоша быстро поднял хлеб, пару раз махнул рукой, стряхивая пыль.

— Давай, — подошла к нему Маша.

— Бери, — улыбнулся Гоша, пряча батон за спину.

Маша попыталась дотянуться до хлеба, но Гоша каждый раз поворачивался к ней грудью и, наконец, кинул хлеб товарищу. Тут уж Мишка не выдержал и подошел.

— Отдай хлеб, Генка, — как можно строже сказал он.

— Чего, чего? — обернулся Генка.

На его лице появилась зловещая улыбка. Он был на два года старше, на полголовы выше, поэтому Мишкино выступление было, по меньшей мере, несерьезно, даже если не принимать во внимание, что их трое.

— Так что ты хотел? — с многообещающей улыбкой переспросил Генка, делая шаг вперед.

В этот момент один из ребят подошел к нему слева и что-то быстро сказал на ухо. Мишка успел уловить лишь "Клюв". Боевой задор у Генки сразу пропал.

— Ладно, живите, — обернулся он к девочкам, протягивая батон Надьке.

Еще не веря, девочка подошла и взяла хлеб. После этого, бросив на Мишку еще один взгляд, в котором было больше удивления, чем ненависти, ребята повернулись и ушли. Мишка и девочки проводили их глазами, пока они не завернули за угол.

— Спасибо, — сказала Надька.

— Пожалуйста, — ответил он.

Маша ничего не сказала, но, перехватив ее взгляд, Мишка уловил заинтересованность. И сейчас, глядя, как ее крепкие загорелые ноги ловко прыгают через резиночку, Мишка обратил внимание, что она поминутно кидает на него быстрые взгляды. Еще не совсем зная, что он будет делать, Мишка подъехал ближе. Помимо Маши и Надьки здесь были Светка и Людка. Еще Маринка с Зинкой, но эти совсем малявки. Девочки прервали игру и дружно поздоровались. А Машка смотрит прямо в глаза, не отводя взор. Ну и ну. Мишка совсем потерялся, а потому сразу брякнул, о чем думал:

— Хочешь покататься?

Предложить покататься вот так, открыто, при всех. Он заметил, что Светка с Людкой отвернулись, пряча улыбки, а у Надьки от удивления глаза округлились. Ему сразу представилась картина, как малявки будут на них показывать пальцами и дразнить: "Жених..."

— Хочу, — спокойно ответила Маша, по-прежнему не отрывая взгляда.

"...и невеста", — машинально закончил мысль Мишка. Под пристальные взгляды подруг она села на раму, и он аккуратно оттолкнулся от бордюра.

Мишка с трудом управлял непривычно потяжелевшим велосипедом. А близость девушки, тепло ее тела, приятный запах, идущий от волос, буквально сковали его мышцы. Но, проехав несколько кварталов, Мишка освоился. К тому же он вспомнил одну историю, которую рассказал Клюв; кажется, самое время попробовать.

Доехав до улицы Пограничников, Мишка свернул в Домашний переулок. Здесь метров через двадцать начинался длинный крутой спуск к каналу.

Когда велосипед стал быстро набирать скорость, Машкино тело стало твердым, как камень, и, подавшись назад, вдавилось в Мишку. "Не бойся", — спокойно приказал он, отнимая правую руку от руля и обнимая девушку. Клюв рассказывал, что в подобной ситуации он использовал обе руки, управляя ногами, но на это Мишка не решился. Он и так настолько был переполнен восторгом, что ежесекундно боялся упасть. По мере того как они спускались, все убыстряя ход, Машкино тело сжималось все больше, крепче прижимаясь к нему. Мельком взглянув на ее руки, вцепившиеся в руль, Мишка увидел, что костяшки пальцев побелели.

На маленьком пятачке спуска, когда Мишка резко затормозил и вывернул руль (одной рукой!), разворачиваясь, девушка пронзительно завизжала и попыталась соскочить. Удерживая ее, он изо всех сил напряг руку, прижимая девушку к себе, на секунду утопив лицо в густых черных волосах...

Велосипед стоял, наклонившись на левый бок, поддерживаемый Мишкой, успевшим вовремя соскочить. Маша продолжала сидеть на раме. Ее грудь, обтянутая ярко-желтой майкой, глубоко и часто поднималась. Наконец вдохи и выдохи стали реже, и она сделала слабое, даже скорее неохотное движение телом: "Пусти". В этом "Пусти" не было обиды. Была усталость пережитого волнения, и, возможно, присутствовала толика грусти. Но, видимо, опасаясь, что он все-таки обидится, девушка мягко коснулась пальцами его локтя: "Спасибо", и посмотрела прямо в глаза. Мишке показалось, что она ждет еще что-то, но ничего в голову не приходило, поэтому они просто сели на "Верного" и поехали обратно.

Когда они вернулись, девчонки продолжали играть в резиночку. Она слезла снова. Как бы невзначай коснувшись его руки и не оборачиваясь, пошла к подругам. А Мишка поехал в парк, где выбрал скамейку поукромнее, прислонил "Верного" к дереву, а сам лег на спину и устремил мечтательный взгляд на небо, где неторопливо бежали белые клубы облаков.

— Сегодня днем отдыхай, — объявил в субботу приехавший Клюв. — А вечером в пять захвати полкило картошки, больше не надо, кулек покрепче; на сходку поедем.

— Хорошо, — кивнул Мишка.

Глава IV

О веллеровских сходках Мишка почти ничего не знал. Клюв бросил как-то мимоходом, что давно сходки не было, уже больше года, и замолчал. Мишка тогда не стал его спрашивать. Не стал и сейчас, зная по опыту, что если Клюв хочет рассказать, он сам все выкладывает. Если нет — по капле будешь щипцами тянуть, ничего не узнаешь. Поэтому он предпочел набраться терпения и ждать вечера. Дома никого не было, и он решил не есть, а завалился, не раздеваясь, на диван, вспоминая, что же ему все-таки известно о сходке.

В школе им представляли все это вроде шабаша ведьм, где пьяные, накалотые веллеры творили всевозможные мерзости при свете подожженных грузовиков. Но так как сами веллеры оказались совсем не такими, как их рисовали в школе, по крайней мере Клюв, то, скорее всего, и сходка была чем-то иным. С другой стороны, а что вообще может делать группа молодых ребят, собравшись вместе? Печь картошку?

Промучавшись полчаса и не придумав ничего, Мишка переключил мысли на другое: пять часов. Пока доберутся — шесть.

Часа два там, и час обратно — девять. Это без задержек. Надо что-то придумать родителям, а что? Он решил, что в полпятого сходит к Клову и спросит совета. Но все решилось проще. В три, когда он сел обедать, зазвонил телефон.

— Здравствуйте (Машка звонит), а Мишу можно?

— Угу (рот у него как раз был забит картошкой, тефтелей и хлебом).

— Это ты, что ли?

— Ага.

— Как дела?

— Аашо.

— Ты что, кушаешь?

— Да.

— Ну, прожуй, а я подожду.

— Я уже прожевал, — он героически сглотнул огромный непережеванный ком.

— Мы с Надькой в кино собрались на восемь, пойдешь?
— Хочу, но вечером не могу, — вздохнул Мишка.
— Понятно (кажется, огорчилась).
— Давай завтра.
— Завтра только утренний сеанс.
— А что, ты утром не можешь?
— Могу...
— Так договорились?
— А сегодня ты никак?
(Далось ей это сегодня.)
— Нет, мы с Кловом уезжаем.
— Понятно. Хорошо, мы сегодня на другое пойдем. Ну давай, завтра в девять выходи.
— Хорошо. Стой! — Мишку вдруг осенило. — А ты не можешь сказать, если мои спросят, что я с вами сегодня в кино ходил?
— Могу, но это поздний сеанс, мы к одиннадцати вернемся.
— Это то, что надо.
— Тогда договорились, пока.
— Пока.
Ну, вот все само и разрешилось. Сейчас только надо будет велосипед вынести и куда-нибудь поставить. Лучше всего в гараж к Клову. А родителям сказать, что отнес подшипники смазать.
Ровно без пяти шесть Мишка вышел во двор, где на колесах его уже поджидал Клов.
— Что такой нарядный? И чего без картошки? — поинтересовался он.
Мишка быстро объяснил, что он отпросился в кино, вот мать его и вырядила, а картошку не было никакой возможности взять — мать на кухне все время вертелась. Только кулек хороший прихватил.
— Понятно. Но нет худа без добра. Деньги на билет дали?
— Ага, — Мишка вытащил из нагрудного кармана новенькую хрустящую бумажку.
— Отлично. Съездим к деду Пантелею, купим овощей, а картошки, я думаю, и так будет с избытком.
Они пошли к гаражу, где, прислоненные друг к другу, стояли "Верный" со спортивным "ТРЕСК'ом" Клова.
— Так, ну штаны мы тебе прищепками зацепим, — критически осмотрел его Клов, — а вот туфли спадут по дороге. Кажется, у меня где-то здесь завалились старые кроссовки. Даже твоего размера.

Он порывлся на верхней полке, где стояла стопка пожелтевших газет.
— Отлично, вот они, — Клов протянул ему кулек с потертыми, но еще крепкими "Adidas'ами".
— Не жмут?
Кроссовки жали, но не сильно.
— Знаешь, что? — прищурился Клов. — Наверное, ты совсем переоденься. А то испачкаешься, будешь потом выдумывать что-то и заврешься. Держи, — и он достал второй кулек, где были спортивные куртка и штаны.
Мишка охотно переоделся.
— Да, вот еще держи, — Клов протянул ему небольшой желтый ключ.
— Что это?
— От гаража. Мало ли когда тебе велик понадобится поставить.
— Хорошо, спасибо.

Было уже около шести, когда они подъезжали к огородам. Солнце начинало менять цвет с желтого на оранжево-красный. Их встретили оглушительным лаем две серые шавки, явно одного выводка. На шум из будки вышел дед.
— Поздненько вы сегодня.
— На сход едем, дядя Пантелей, хотели овощей взять.
— Хорошее дело. Что именно?
— Лук, помидоры, огурцы.
— А картошку?
— Картошки будет валом, все берут.
— Дело хозяйское, да запас карман не тянет.
— Ну ладно, — сдался Клов, — штук восемь положите.
— Добре, три шестьдесят, — вынес старик ставший объемным Мишкин кулек.
— Расплачивайся, напарник, — хлопнул Клов Мишку по плечу.
Мишка вздохнул, думая, что рубля сорока хватит только на один билет. Придется у отца просить потихоньку. Или у Машки будет?
— Ну, с богом, — перекрестил их старик на прощанье, и ребята, махнув руками, поехали, сопровождаемыми лохматыми сторожами.
Сходка была назначена недалеко от карьера, километрах в пяти. В густой дубовой роще спряталась широкая поляна, посреди которой была выкопана широкая яма, в метр глубиной. Сразу за ямой поднимались высокие насыпные холмы. Мишка прикинул, что самый высо-

кий будет, наверное, метров восемь. По отполированным тропинкам, избороздившим холмы, он догадался, что это одно из излюбленных мест веллеров.

Недалеко от ямы уже собралась кучка ребят. Велосипеды лежали в стороне. "Вот и Клюв приехал", — раздался чей-то веселый голос. Они спешили и подошли к остальным. Ребята в основном были его возраста, но были и старше, как Клюв, а двое совсем молодые, лет двенадцати. Клюва здесь хорошо знали и любили. Во всяком случае, толпа оживилась. После долгих приветствий к ним пробился крепкий коротко стриженный парень лет шестнадцати.

— Смену готовишь?

— Приходится, Вова.

— Давно на трассе?

— С месяц.

— Салага.

— Молод, да не промах, — в словах Клюва послышалось самодовольство. — Мы с ним только на Лесной не были.

— Понятно, — протянул Вова. — Ну, салажонок, бери двух молодых, — он показал на ребят, стоявших особняком, — и начинайте сушняк собирать. А то скоро солнце сядет, ничего не увидите в темноте.

Их звали Толик и Саша. Толика учил неизвестный ему Худо, а Сашу — Вова. Толик уже полгода как вышел на дорогу, а Саша катался месяца четыре. Но ни один из них еще не был в карьере. С чувством собственного превосходства Мишка важно сказал, что "Ничего страшного там нет, просто голову не терять, и все". Но потом в нем заговорила совесть, и он рассказал, как сам чуть не грохнулся с обрыва. Ребята аж рты поразевали.

Когда они притащили три большущих кучи сушняка, остальные уже вырыли неглубокую, но достаточно широкую круглую яму. Скоро в ней запылал сильный огонь. "Ну что, Худо покашеварит, а мы на "Восьмерку", — предложил крепыш Вова. Все, кроме длинного худого парня, с готовностью встали и пошли к велосипедам. Собравшись на вершинах холмов, стали с гиканьем и свистом съезжать вниз в яму и заезжать на противоположную гору, выписывая по дороге всевозможные петли. Теперь Мишка понял, почему место называется "Восьмерка". Сам он немного трусил съехать с такой кручи, но, сделав это однажды, почувствовал, что страх уступил место восторгу.

Через полчаса азарт поутих, и веллеры по одному стали возвращаться к костру, где Худо уже закопал в красноватые пышущие жаром угли картошку.

— Рано вернулись, — лениво объяснил он. — Еще минут двадцать, минимум.

— А мы пока посмотрим на аса, — хлопнул его по плечу Вовчик. — Давай, а то подумают, что ты и не веллер вовсе.

Худо усмехнулся и все так же лениво поднялся. Теперь Мишка мог его рассмотреть получше. На вид ему было лет шестнадцать, как Клюву. Неимоверно высокий, под два метра, он все время сутулился. Движения медленные, неловкие, и в то же время осторожные, как будто он боялся что-то разбить.

Худо сел на велосипед, у которого сиденье и руль были удлинены минимум на метр, и поехал к "Восьмерке". Забравшись на самый высокий холм, он постоял секунд двадцать, как бы раздумывая, а затем быстро съехал и поднялся на одном колесе. Среди ребят пронесся восхищенный шепот. Затем поехал вниз и перед самой ямой рванулся вверх и прыгнул на соседний холм. Приземлившись, развернулся и лег на правый бок, чтобы не упасть в яму. Затем поднялся наверх и быстро съехал задом наперед, не оглядываясь и развернувшись в яме, прямо перед самой стенкой. Мишка замер в немом восхищении.

— Вот этот трюк кроме него только Диля может, — тихонько сказал Мишке незаметно подошедший Клюв.

На этом упражнении Худо решил закончить и по-прежнему неторопливо вернулся к костру.

Солнце коснулось нижней кромкой верхушек деревьев. В воздухе летали ласточки, гоняясь за мошкаррой. Ветра почти не было. Уставшие ребята сидели, полулежали, а кто и лежал возле едва тлеющих углей. То один, то другой поглядывал на главного кашевара Худо, но он молчал и лишь каждые две минуты срывал новую травинку и начинал жевать.

— А что Диля не приехал? — нарушил всеобщее молчание Клюв.

Мишка заметил, что Вовчик при этих словах опустил голову, а Худо со злостью выплюнул пожеванный кусочек травинки. Все молчали.

— Нету Дили, — наконец поднял голову Вовчик. — Три дня как похоронили.

Мишка обратил внимание, что Клюв зло прищурил левый глаз, а правый стал часто подрагивать.

— Как рассказывают, — продолжал Вовчик, — он от двух МАКов уходил. Классически стал между ними и затормозил. А один МАК был трейлер. Контейнер вильнуло, и задней частью по голове.

Все подавленно молчали.

— Да, — наконец нарушил молчание Вовчик, — помните, ребята, что такое может с каждым из нас случиться. Будь ты хоть асом, хоть суперасом, а один раз удача отвернется, и... А ведь в каких он переделках был, и всегда цел и невредим. Это он с тобой, Клюв, под брюхом у МАКа прошел?

— Со мной, — нехотя ответил тот. Помолчал немного, затем тихо продолжил: — Я совсем тогда салагой был, год как на трассе. И на тоннеле нас догнали три МАКа. Выстроились в ряд и идут, как стена, промежуток между ними пару метров, не втиснешься. Так он меня к обочине прижал, а сам на центр. И вот когда правый МАК уже был метрах в трех, он велосипед положил и прошел под брюхом. МАК даже среагировать не успел, вильнул уже метров через двадцать.

— Покажи, Клюв, — а то они не знают, что это такое, "положить".

Клюв поднялся, несколькими отрывистыми движениями стряхнул со штангин пыль и направился к велосипеду. Вот он поехал, набирая скорость. Привстал на педалях и начал раскачиваться из стороны в сторону. Амплитуда становилась все больше и больше, как вдруг в одно из глубоких качаний велосипед не пошел обратно, а мягко лег на траву. Ноги Клюв с педалей не снимал, и потому сам тоже оказался на земле. Через несколько секунд сильным рывком поднялся вместе с велосипедом и поехал обратно. Все зааплодировали.

— Да это на земле, — спокойно сказал Клюв, когда шум прекратился, — а он на асфальте, в полной скорости, да еще когда МАК в спину дышит. Талант большой был, очень.

— Можешь записать номер, Клюв, — сказал сидящий рядом с ним парень с черными, немного вьющимися волосами. Кажется, его называли Куцый. — 601 и 353 региона А.

— Точно?

— Обижаешь, я салагу в бар на карьер посылал. Водилы хвастались, как веллера сбили. Подтверди, — кивнул он высокому худому парню, сидящему слева.

— Да, — тихо ответил тот, — я два часа с ними сидел, запоминал.

— Хорошо, — Клюв снова зло прищурил глаз, — запомню, может, встретимся.

В этот момент Мишка заметил, что Худо уже разгреб угли и разложил черную потрескавшуюся картошку на газету.

— Пробуй, — громко сказал он Вовчику.

— Да верю, — отозвался тот.

— Давай, давай.

— Ладно.

Вовчик потянулся за тонким прутиком. Заостренный конец без труда вошел в мягкое тельце.

— Разбирай, — торжественно провозгласил Вовчик и сам тут же начал очищать горелую кожуру.

Через полчаса сытый и разморенный Мишка полулежал, оперев голову о локоть и слушая несмолкающий гул разговоров. А послушать было что. Вот Худо, не вынимая травинки изо рта, рассказывает, как, спасаясь от разъяренного МАКа на Лесной, был вынужден прыгнуть на разделительный бордюр. А вот Вовчик вспоминает, как он прыгал в карьере:

— Метров пять, наверное, было, не меньше. Заднее колесо в такую восьмерку согнуло, пришлось новое покупать.

Внимание Мишки привлек разговор Куцего и Клюва.

— Так что, — склонившись над лежащим на спине Клювом, спрашивал Куцый, — суббота завтра. Поехали на море.

— За сто пятьдесят километров? Два часа в электричке? Никогда.

— Полтора, — качал головой Куцый. — Шурка рада будет.

— Шурка-то конечно, а мне в воскресенье на вторую смену. Нет, мы на лиман поедем, — он решительно сел и расправил плечи. — Двадцать минут сабвеем.

— От тоски вдвоем подохните.

— А я салагу возьму, — повернулся Клюв к Мишке. — Поедешь на лиман?

— Нет, — Мишка качает головой, — я на завтра в кино договорился.

— С этими своими обормотами?

— Нет, с Машкой.

— С какой Машкой?

— Со Светиной.

Клюв прищурился и смотрит на него, как будто видит впервые:

— А у тебя губа не дура. Машка Светина... Так бери ее на лиман.

— Договорились же в кино.

— Так кто у вас командует парадом? Скажи, лиман, солнце, вода, теплые гольшики...

— Не знаю, — вздыхает Мишка.

— Ну, смотри, предложи ей. Должна согласиться. Сейчас днем жара, чего в кино париться.

Мишка сомневается. Единственное, что ему в этом предложении нравится, так что на двадцать копеек сабвея у него хватит.

В девять стало совсем темно. Зажужжали комары. Все чаще и чаще слышались хлопки ладоней о тело.

— Ну что, пора? — посмотрел Вовчик на Худо.

Тот молча кивнул. Вовчик перевел взгляд на Клюва.

— Конечно, комары сейчас съедят.

— Ну, значит, все. Убрали мусор, Худо?

— Да.

— Тогда по коням!

Послышались стоны, кряхтенье. Через некоторое время в темноте замелькали фонарики. А еще через несколько минут на поляне можно было услышать лишь писк комаров.

Глава V

Маша удивленно смотрит на Мишу.

— На лиман?

— Ага, — кивает он. — Солнце, море, теплые голышки, — он говорит все это таким упавшим голосом, что она невольно смеется.

— Да ты голодную собаку не уговоришь съесть кусок мяса. Честно говоря, мы сегодня с Надькой на пляж собирались, потому я так хотела в кино вчера пойти. А сейчас возвращаться неохота, мои начнут расспрашивать, что да почему.

Мишка молчал.

— Давай подождем, пока они на базар пойдут, — наконец сдается она.

— А я напишу записку, что передумала, идет?

— Идет.

Они отошли к его дому и сели на скамейку. Машкина парадная была как на ладони. Ждать пришлось недолго. Минут через десять появилась мама — высокая стройная женщина с густыми черными волосами (у Машки такие же), а через минуту выбежал и отец с двумя большими сумками. Громко разговаривая, они направились в сторону базара.

Тогда Машка встала.

— Ну, что, я к себе, и ты к себе, встречаемся через десять минут.

— Идет.

Мать совсем не удивилась, что он с Машей решили поехать на лиман.

— Правильно, чего в городе париться?

Мишка быстро переоделся, взял приготовленный матерью кулек с подстилкой, плавками и полотенцем и пошел к двери.

— Постой, — остановила его мать, — А деньги чего не берешь?

Мишка смутился — не мог же он сказать, что он не ходил вчера в кино, и у него осталась сдача.

— Забыл?

— Угу, — облегченно кивнул он.

— Ну вот, просил бы у девочки. Держи, — и она протянула три рублевых бумажки.

Клюв ждал их, где и условились — внизу от конечной сабвея. Рядом с ним стояла невысокая полная девушка, вся сплошь покрытая веснушками.

— Здравствуйте, соседи, как добрались? — радушно приветствовал их Клюв.

— Отлично, — весело ответила Машка.

Они спустились к воде, разделись и сели на широкую подстилку Клюва.

— Ну, что, девчата, — встал Клюв уже через десять минут, — ложитесь, принимайте солнечные ванны, а мы сходим, осмотрим окрестности. Так, — сказал он, когда они обошли маленький пляж и возвращались обратно, — все есть: и мороженое, и пиво, а вот с водой будут проблемы.

— У Маши есть литровая бутылка с чаем, — ответил Мишка.

— Да? Молодец, подумала. Ну, тогда беспокоиться не о чем.

— Ну, что, купаться? — сразу предложил Клюв, садясь на камни рядом с Шурой, кладя руки на плечи девушке.

— Костик, вода еще не нагрелась, — надула губы Шура.

Через секунду она дико визжала, пытаясь вырваться из рук Клюва, который, не обращая внимания на протесты, донес ее до воды, поднял выше и скинул вниз. Фонтан брызг достал аж до подстилки. Машка засмеялась, вскочила и побежала к ним.

Сначала они с Клювом кидали девочек с рук. Визг стоял на весь пляж. Затем Клюв посадил Шуру на спину, а Мишка — Машу. Начались конные бои. Клюв крепко стоял на ногах, нанося точные мощные удары тяжелой Шурой. Лишь в самой последней схватке Мишке удалось обойти его сзади и свалить. Уставшие, но довольные, они упали на подстилку и открыли Машкин термос.

— Только лимона не хватает, а так что надо, — крикнул Клюв, когда кружка дошла до него.

— Я хотела, но времени мало было, — отозвалась Машка. — Вообще, все так внезапно.

— Думаю, ты не пожалела.

— Нет, конечно, здесь здорово.

После этих слов Машка легла на спину. Глаза сразу ослепило яркое солнце. Девушка попробовала закрыться рукой, но, убедившись, что это бесполезно, перевернулась на живот. Сразу за ней легла и Шура. Мишка остался сидеть. Сидел и Клов, перебирая гальку и складывая отдельно в кучу сердолики. Воцарилась тишина, нарушаемая лишь тихим плеском волн и отдаленным шумом отдыхающих.

— А ведь вы так сгорите, — неожиданно сказал Клов, бросая камень в довольно большую кучу сердоликов. — А ну, Мишук, дай-ка мне тот серый пакет.

Порывшись в вещах, он скоро извлек наружу маленькую стеклянную баночку темно-синего цвета.

— Все, Шура, буду тебя спасать.

Шура не возражала. Отвинтив крышку, Клов двумя пальцами зацепил крупный белый сгусток мази и, подсев к девушке вплотную, стал размазывать белую массу по спине. Мишка с интересом смотрел, как ловко работают его тонкие длинные пальцы. Вдруг они остановились.

— А ты чего смотришь? — обратился Клов к нему. — Или хочешь оставить свою мамзель на съеденье этому пеклу?

Мишка помедлил, ожидая, что Маша начнет возражать, но она молчала. Тогда он осторожно захватил немного мази, которая оказалась довольно холодной на ощупь, и опустил руки на белую, совсем не тронутую загаром спину девушки. Затем медленно и аккуратно стал делать круговые движения, втирая крем.

— Нет, Мишук, — в голосе у Клова прозвучала неприкрытая насмешка, — так работают, если у человека ожог минимум третьей степени. Смотри, — и он начал энергично растирать лоснившуюся от мази Шуркину спину.

— Ой, Костик, ты, что? — запротестовала Шура. — Ты же кожу сдерешь.

— Это вряд ли, — скептически отозвался Клов, сосредоточенно продолжая втирать крем, но натиск ослабил. — Ну, что понял? — это уже Мишке.

Мишка кивнул и стал давить сильнее. Поминутно скашивая глаза вбок на Машу, он старался прочитать по ее лицу, нравится ей или нет. Но лицо, как маска, казалось, лишено каких-либо эмоций. Сам он чувствовал себя ужасно неловко, и хотя через некоторое время робость прошла, что-то мешало ему чувствовать себя так же свободно, как тогда на спуске. Возможно потому, что тогда Маша была испугана и инстинктно жалась к нему, ища защиты. Возможно. Но вот Клов хлопнул Шуру по спине:

— Хватит с тебя.

Мишка растирал еще минуту и тоже закончил. Они еще раз искупались, съели по мороженому и в три часа начали собираться домой.

— Ну, до завтра, — попрощался с ними Клов на остановке.

— А вы не с нами? — удивилась Маша.

— Нет, Шура рядом живет, мы пешочком.

На следующий день они выехали раньше — Клову надо было успеть на вторую смену. Он был доволен, как они провели выходной, и в следующие выходные снова приглашал на лиман. Возле развилки остановились. Можно поехать в тоннель пощекотать нервы, а можно и на Лесную. Право выбора он предоставил Мишке. Мишка решил, что надо на Лесную — он там еще не был.

— Хорошо, — охотно согласился Клов. — Там сейчас почти никого не бывает.

Перед тем как начать движение, Клов вздохнул:

— Эх, последний год развлекаюсь, хорошо, хоть тебя подготовил.

— Почему? — удивился Мишка.

— А ты думаешь, мы до старости на дорогах гоняем? Нет, шестнадцать, восемнадцать — предел, редко кто до двадцати. Тем более что дальше работа, учеба. А если узнают, можешь на себе крест ставить — считай, всю жизнь будешь мусором заведовать.

Мишка об этом не задумывался.

— Да тебе и рано еще, — усмехнулся Клов. — Да и работать в шестнадцать не стоит, это у меня большого выбора не было. Отучишься в школе до упора, пойдешь в институт, это нормально.

Он уже занес ногу над велосипедом, собираясь садиться, но внезапно передумал.

— Самое интересное, — засмеялся он, — что своего сына драть буду, если захочет покатиться по веллерской дорожке.

— Почему?

— Да потому что кому хочется, чтобы его ребенок оказался под колесами?

Мишка нахмурился:

— А мы ради чего?

— Это ты меня спрашиваешь? Каждый по своей собственной причине. Я, например, ненавижу, когда мне приказывают, что мне делать, а что нет. Почему дорога только для машин? Ну, а ты сам должен знать, почему ты здесь, а то раздавят в один прекрасный момент непонятно за что.

После этих слов он быстро сел в седло и, сильно оттолкнувшись, выехал на дорогу. Мишка последовал за ним.

Первые двадцать минут, сосредоточенно крутя педалями, Мишка старался понять, почему же он стал веллером. Ни до чего определенного не додумавшись, он подошел к проблеме с другого конца: а что будет, если он перестанет кататься? Перед ним встала мрачная картина: а что он будет делать? Ходить к бабушке? Играть во дворе с ребятами? Сейчас это все казалось глубоким далеким детством. Единственная светлая перспектива — это встречаться с Машей. Здесь предстоят открытия, от которых сладко замирает сердце, но лишиться Клова и всех замечательных ребят, с которыми он познакомился на сходке?

— А почему лишиться? — спросил внутренний голос. — Ты же можешь ходить с Кловом на пляж, на море, в кино...

Да, все это так, но трудно объяснить — здесь, на дороге, Клов совсем иной. Сосредоточенный, хладнокровный. В нем столько силы чувствуется... И — Мишка был в этом уверен — все это он приобрел здесь. И он тоже хочет стать таким. А кроме того, он это только сейчас осознал с такой отчетливостью, его манила трасса, эта темная полоса, убегаящая вдаль и сужающаяся к горизонту. А какая природа за городом! Если бы не МАКи, Мишка взял бы у Клова велосипед, посадил бы на него Машку, и поехали бы они на Лесную или на "Восьмерку". Места какие замечательные...

— Не зевай, — раздался строгий окрик Клова.

Он оглянулся, еще не успев ничего увидеть, услышал характерный нарастающий гул приближающегося МАКа.

— Веером пойдем! — крикнул Клов.

Мишка кивнул. Подпустив МАК поближе, они резко ушли в разные стороны. Грузовик успел лишь дернуться в Мишкину сторону, но слишком поздно. Через минуту белая громада грузовика скрылась за поворотом.

— Тут поосторожней надо, — сказал Клов, когда они приблизились к повороту. — Случалось, МАКи разворачивались за поворотом и ждали. Ты слушаешь — все тихо. А потом он прямо тебе навстречу вылетает.

Они замедлили ход и метров за пятьдесят до поворота съехали с трассы и проехали поворот обочиной.

— Нет, все тихо, — успокоился Клов. — Вон за той рощей, — он вытянул правую руку вперед, указывая на узкую зеленую полоску, дотягивающуюся до самой дороги, — мы раньше сходку делали. Отличное место.

— А чего теперь на "Восьмерке"?

— А многие в новом Южном районе живут, так им получается шестьдесят километров пилить...

Услышав рев двигателя, оба одновременно вскинули головы. Из-за рощи, до которой оставалось каких-нибудь сорок метров, стремительно вылетел обогнавший их белый МАК и ринулся прямо на них. Мишка резко свернул вправо на обочину, успев заметить краем глаза, что Клов пошел за ним. МАК, не выезжая на трассу, шел наперерез.

Он проскочил в каком-то метре от трясущейся на ухабах, пышущей жаром машины. И через секунду услышал хруст и крик.

МАК давно уехал, а Мишка не мог заставить себя подойти к лежащему на траве Клову.

— А может, жив? — в который раз приходила в голову настойчивая мысль.

Но он знал, что это не так. Грузовик практически передупил тело пополам, оставив месиво из крови, костей и одежды. От живота ничего не осталось, чего не скажешь о лице. Не тронутое ни единой царапиной и даже гримасой (он что, и боли не успел почувствовать?), оно хранило спокойное, сосредоточенное выражение.

— Не люблю, когда мне приказывают, что мне делать, а что нет, — вспомнил Мишка их недавний разговор.

Вдали послышался вой сирены.

Глава VI

Дома был жуткий скандал. "Верного" заперли в кладовке и пообещали в следующее воскресенье продать. Мать больше плакала, отец молчал. Когда она выдохлась, он забрал Мишку к нему в комнату. Здесь он вытащил из кармана старую, выцветшую до желтизны газету и молча протянул сыну. На последней странице он нашел: "Ежегодный марафонский заезд велосипедистов". Фамилии участников: Волчин, Сабич... Векшин — отец. В шлеме и не узнать. Мишка вопросительно посмотрел на отца. Тот отвел глаза и стал рассказывать, что раньше велосипеды были почти у всех. Предлагали даже отменить транспорт, кроме дальних рейсов, и ездить на них. Но ничего не получилось, неважно почему, и сейчас... Он не объяснил что сейчас, а замолчал надолго, опустив низко голову. А когда поднял, в глазах стояли слезы.

— Ты хоть представляешь, что бы с нами было, если бы ты оказался под колесами?!

Мишка всхлипнул (вот где его прорвало) и уткнулся в отцовское плечо...

Через два дня он пошел в школу. Там его ждал очередной сюрприз. На первом уроке старая Зоя Петровна взяла его за руку и вывела на середину класса.

— Посмотрите, — громко начала она, — перед вами веллер!

Слово "веллер" было произнесено таким зловещим тоном, что Мишка сам содрогнулся. И началось... Выступали Зоя Петровна, Демина, Зина и Лора. Как это он не замечал раньше, что Демина и Зина на Зою работают? Она, наверное, и речь им написала: "Позор школы, предал коллектив, подумал бы о родителях". Правда, про Лору этого не скажешь. Человек искренне верит, что искореняет зло. Собственно, три месяца назад он думал точно как она. Взгляды у всех уничтожающие. Кроме Маши. Тем и вытерпел: посмотрит на нее — "Держись, Мишка", говорит Машкин взгляд, — и сразу силы появляются. Через час все закончилось. Мишка был осужден. Правда, его обещание "исправиться" было благосклонно принято, но дали испытательный срок два месяца. Под Машкино наблюдение. Интересно, как это она устроила?

Уроков в тот день не было, только расписание дали и отпустили. Усталый и потерянный шел Мишка домой, даже ноги сил поднять не было. На душе очень гадко было. Ведь неправда все от начала до конца. И что Клюв поскользнулся, и что водитель не успел отвернуть... Его размышления прервала Машка — она на углу ждала.

— Тяжело?

— Угу, — кивнул Мишка и неожиданно для самого себя предложил: — Пошли на поле?

Здесь они и легли на зеленой, еще не выгоревшей траве.

— Ты знаешь, что такое отчаяние? — спросил Мишка.

Она привстала на локтях:

— Знаю, Миша. Я ведь с шестого класса люблю тебя, как ты к нам перешел.

Мишка повернул голову — ну и лицо у нее, аж страшно!

— Как сейчас помню, стоим мы со Светкой на перемене, а она мне все уши о Славке прожужжала, как же — первый красавец! Ну, а я ей полускрытно, наполовину чтобы досадить, говорю: "Да ладно, Славик красивый, конечно, но очень себя любит. Мишка, например, гораздо его лучше". Она в ответ: "Ну, Мишка же некрасивый". А я смотрю на тебя, ты как раз у окна стоял, с Генкой разговаривал и улыбался. И такое у тебя счастливое в тот момент лицо было, что я как будто в первый раз тебя увидела. И все ждала — когда же ты заметишь. А ты... Ты маленький еще был. Ну вот, теперь, кажется, дождалась.

Теперь Мишка вспомнил много, точнее, переосмыслил. И как он дол-

жен был играть Ромео, а она Джульетту, и когда он заболел, Машка отказалась играть. И мимолетные взгляды, ожидающие от него чего-то. Да, он не понимал.

Выговорившись, они стали играть в "терпелку". Машка вслух читала "Экзаменатор по физике", а Мишка щекотал ее травинкой. Ей должно было быть очень щекотно, но по ровному спокойному голосу этого никак нельзя было определить. Она бы, наверное, выиграла, но он сжульничал, прикоснувшись губами к розовому из-под облезавшей кожи уху...

— У тебя есть двадцать рублей? — спросил Мишка, когда они шли домой.

— Да, а зачем тебе?

— Не хочу велосипед продавать, а родители просят показать деньги.

— Ты что, собираешься ездить? — Машка не на шутку испугалась.

— Да.

— Миша, а если тебя, как Костю? Я понимаю — это случайность, что он поскользнулся, а вдруг?

Мишка потер нос и рассказал, как грузовик притаился в роще, подпустил их и настиг на обочине. Она слушала, открыв рот, с расширившимися от удивления глазами.

— Но почему? — только и смогла спросить девушка, когда он закончил.

— Не знаю, — опять вздохнул Мишка, — какая-то жестокая борьба идет между нами и машинами, но причин я не знаю.

— Ну а что со мной будет, если тебя?..

— Ну, Шура...

— Мне наплевать на Шуру, я о себе думаю!

— Я буду, осторожен, — он примиряющее погладил мягкие волосы, — очень.

Через месяц, в воскресенье, Мишка вышел из дома и направился к Машкиному дому. Она ждала у подъезда. Для всех они направились гулять, а на деле — они расстались у гаража Клюва. Он сел на "Верного", привычно чмокнул Машку в щеку и покатил на трассу. А она пошла в библиотеку — подругам не доверяла. Возле детского сада он встретил Шуру, с каким-то долговязым парнем. Она отвернулась, сделала вид, что не заметила. Зря, Мишка видел их не первый раз и уже привык. Проезжая бочку с квасом, заметил парня на велосипеде и не сразу вспомнил, где его видел. Уже метров через сто хлопнул себя по лбу и остановился: это же Димка, он переехал с родителями недели две назад в квартиру Клюва. Никогда бы не подумал, что у него есть велосипед. Мишка развернулся и по-

ехал обратно. Димка уже ехал по направлению к дому. Мишка обогнал его и резко затормозил — молодец, реакция есть, успел затормозить.

— Куда едешь?

Димка помедлил, видно пытался понять, к чему это остановка и вопросы.

— Домой, — наконец ответил он.

— А чего не в парк?

— Скучно там.

— Ясно. А во дворе?

— Никого не было. Может, сейчас вышли.

— Ясно.

Мишка испытующе посмотрел на парня.

— А хочешь на трассу?

— Хочу.

Твердо сказал и паузу сделал, значит, знает, о чем речь идет, говорили им в школе.

— Ну, поехали, — Мишка улыбнулся. — Сначала твой драндулет приведем в чувство.

— Это не драндулет, — твердо сказал Димка.

Серьезный парень!

— Ну, извини, — примиряюще сказал Мишка.

Через час на Ивановской улице Мишка еще раз внимательно посмотрел на новоявленного ученика:

— Ты пойдешь первым. Дорога сначала будет узкой, потом расширяться будет. Посмотришь вверх — увидишь светофор...

Из статьи А. Мухина "Несколько страниц истории"

Когда в 2089 г. разразился "Экологический скандал", казалось, что партии "Зеленых" и "Медиков" смогут сыграть значительную роль в его решении. Им удалось представить серьезную программу, одними из основных пунктов которой были — частичный запрет всех видов деятельности, связанных со сжиганием топлива, и постепенный переход на экологически чистые виды механизмов. Их программу поддерживало значительное число ученых. Но Нефтегазовым компаниям после объединения в "Единый Концерн" удалось завоевать большинство во время Второго Всемирного голосования, хотя им пришлось пойти на крупные уступки, как, например, запрет частных машин. Когда большинство проголосовало за умеренную

программу, вряд ли кто догадывался, насколько широкие полномочия она дала "Единому Концерну". Результатом стала диктатура, длившаяся сорок девять лет. За эти годы от партий "Зеленых" и "Медиков" осталась лишь формальная видимость оппозиции. Программа перехода на экологически чистые виды производства была замедлена настолько, что, по подсчетам специалистов, должна была завершиться через сто двадцать лет! (К тому времени обещали истощиться природные ресурсы газа). Об искажении истории, чудовищной школьной программе и Службе бдительности писали слишком много, чтобы сейчас останавливаться подробно.

В этих условиях вакуума правды реальной единственной силой, противопоставившей себя Деспотии "Концерна", стали движения Молодых ученых и Веллеров. Никак не связанные между собой внешними связями, они не были похожи и внутренне. Движение "Молодые ученые" было организовано в 2095 г. Самуэлем Керро. Члены организации прекрасно понимали обстановку, сложившуюся в мире, выработали способы противостояния и конечную цель. Основным недостатком ее была оторванность от масс. Девяносто девять процентов населения просто не знало об их существовании.

Движение Веллеров, напротив, было изначально стихийным и таким осталось. Никто не знает, когда оно было основано и кем. Конкретных целей и задач не было. Но именно оно сумело стать той кузницей, которая выковала оппозицию существующему порядку. О "Веллерах" знали все. Каждый двадцатый мальчишка возраста до шестнадцати лет был веллером. Их, и именно их, справедливо боялся "Концерн". Чего стоит, например тот факт, что секретным предписанием всем водителям было поставлено в обязанность "сбивать хулиганов, заполнивших дороги...". А то, что из семидесяти членов группы "Противостояние" шестьдесят один человек в прошлом был веллером!

Будем откровенны, движение Веллеров вело настоящую войну. Приведу цифры ужасающей статистики: с 2089 по 2138 гг. погибло двадцать семь тысяч ребят, средний возраст которых — четырнадцать лет...